

Образы прошлого в крестьянской памяти (на материалах XX века)

Одним из проявлений социальных начал жизни выступает коммуникация, немаловажный вектор которой — коммуникация с прошлым. С точки зрения немецкого исследователя Я. Ассмана, «помнящая культура» является всеобщим феноменом: посредством обращения к прошлому выстраиваются смысловые и временные горизонты социума¹. В работах И.М. Савельевой и А.В. Полетаева обращается внимание, что современное историческое сознание построено на презумпции связи настоящего с прошлым².

Современное «ускорение истории» (П. Нора³), импульс которому был задан двумя-тремя столетиями ранее, обозначило ситуацию разрыва культурной традиции, «разрыва с прошлым» — как для отдельного человека, так и для различных социальных групп, включая национальные сообщества. В частности, в научной литературе постулируется своего рода правило: «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти»⁴, то есть актуализированного образа прошлого.

Отличительная черта современной историографической ситуации — значительный интерес к анализу образов прошлого в разных культурах и слоях общества в те или иные исторические периоды⁵.

Потребность осмысления способов конструирования образов прошлого и его мифологизации в крестьянской культуре определяется тем обстоятельством, что крестьянство представляет собой уникальный объект изучения, поскольку на нем прослеживаются многие базовые формы социальности. В современных исследованиях характер сельской культуры позиционируется как диалогический в противовес «монологизму» классического индустриального общества. Именно эта историческая функция (а не атрибутируемая аграрной сфере роль хранителя некоего набора культурных ценностей) сделала специфически сельскую культуру уникальным политическим актором развивающегося модерна⁶. Это позволяет предположить, что изучение крестьянских форм и способов презентации прошлого способствует пониманию универсального в культуре, хотя потребность в обращении к прошлому у крестьян имеет свою специфику.

Применительно к XX в. можно выделить несколько возможных направлений изучения крестьянского восприятия прошлого. Первое связано с анализом основных тенденций эволюции крестьянских представ-

---

* © Кознова И.Е., 2011

лений о прошлом в контексте социокультурной трансформации страны. Это предполагает анализ содержания и форм проявления крестьянского культурного наследия в повседневной практике деревни в процессе аграрной модернизации. Речь идет и о крестьянских способах реакции на проводимую властью политику. Второе — с изучением различий в отношении исторического прошлого разных групп крестьянства. Третье касается фиксации способов презентации прошлого в памяти. В целом это предполагает исследование представлений крестьян о национально-государственном, локальном, групповом прошлом, их образов исторических событий, личностей, власти, крестьянской семьи и сельской общности в поколенческом и гендерном аспектах. Имеется в виду связь образов прошлого с тем или иным актуальным историческим настоящим.

В универсальном смысле прошлое в крестьянской культуре и социальной практике представлено прежде всего как образ жизни, как традиция. Хозяйствование на земле — это те, по определению М. Хальбвакса, «социальные рамки», которые организуют профанно-сакральное единство народной жизни. Прошлое как коммуникативно-практический опыт, живая традиция выступало важным адаптивным инструментом, а потому воспринималось утилитарно. Социальные функции прошлого в крестьянской культуре — поддержание преемственности через сохранение образцов жизнедеятельности: память имеет нормативный, обрядово-ритуальный характер. Прошлое выступало в качестве воплощенного, нацеленного на будущее настоящего. Как память-традиция, оно имело нормативный, обрядово-ритуальный характер; его репродуктивная функция находила выражение в утопической формуле «наши деды и прадеды жили, и мы так будем». Символический образ прошлого был выражен понятиями «земля», «кровь» и «пот». Исторический аспект образов прошлого включал державно-государственные и военно-героические, где сильнее представлен гендерный мужской компонент, а также борьбу «за землю и волю».

Фольклор и этнографические наблюдения показывают, что крестьяне имели представление об истории страны, о тех или иных крупных исторических личностях. Но, как правило, жизнь сельского сообщества не выстраивалась в соответствии с ходом истории «большого» общества и государства (возможно, исключением были крестьянские войны, особенно под руководством Е. Пугачева). Во многом это была своя местная история (в случае крестьянского движения Пугачева переросшая границы локальности). И только хронологически близкое прошлое, реальные события хранилось на уровне коммуникативной памяти. Единицы крестьян, приобщившиеся к письменной культурной традиции, могли точно обозначить тот или иной хронологический рубеж, конкретную дату. До сих пор, если судить по документам, крестьяне достаточно вольно относятся к подобным формам выражения своей принадлежности к историческому времени.

Сознание русского человека переносило из природной среды в социальную свои идеальные модели отношения с миром. Русский массовый (народный) идеал находился в прошлом. Им определялась народная мифология. Прошлое рассматривалось в идеальной проекции; им как бы подтверждались русская социальная утопия — «воля», «правда», «справедливость». Подобно образу прошлого формировались в народной среде настоящее и образ будущего. Будущее означало «возвращение в прошлое», реализацию архаических идеалов, отсутствующих в настоящем. В русском варианте идеальное прошлое было воплощением постоянства, повторения, единообразия, замкнутости (закрытости — от вторжения чуждого, враждебного). Оно ориентировало на известное, рутинное, закрепляло консервирующие, репродуктивные социальные практики⁷. Но и крестьянскую революцию начала XX в. также определяли такие образы прошлого, комплекс «возвращения к идеалу», в ней возрождались социальные практики, укорененные в прошлом⁸.

Если идея общего прошлого, «историзации» сознания была актуальна в России начала XX в. для образованных слоев (обладавших кроме всего прочего ярко выраженной генеалогической памятью), то для пребывающего в среде устной, вневременной, конфессионально окрашенной традиции крестьянства, составлявшего большинство населения России, и близких ему в ментальном отношении городских низов понятие «общность прошлого» имело скорее пространственные характеристики и было локальным по своей сути⁹. Исследователи обращают внимание на «чрезвычайную устойчивость, «вневременность», статичность бытового, народного пласта культуры, который обладал собственным ритмом, не совпадающим во времени ни с изменениями действительности, ни с формами существования «высокой» культуры»¹⁰. Безусловно, крестьянство не было совершенно закрыто от нового измерения времени — достаточно упомянуть о появлении в крестьянской среде воспоминаний и дневников, а также о влиянии неземледельческих промыслов и миграций в города, однако в отношении рубежа XIX—XX вв., как и середины XX в., исследователи подчеркивают общность менталитетов сельских и низовых городских слоев¹¹. Сама идея общенационального прошлого приходила в народную среду извне — с помощью популярной, наглядной (лубочной), учебной литературы, прессы.

Нормативный характер культуры и ритуальный тип поведения, направленный на сакрализацию прошлого и определявший жизнь русских крестьян на рубеже XIX—XX вв., подверглись значительным трансформациям в XX в.

Крестьянство активно использовало прошлое для сплочения и сохранения своей групповой идентичности, что нашло отражение в различных крестьянских документах первых десятилетий века — приговорах, петициях, воззваниях, листовках. По сути, это была манифестация крестьянского «МЫ» перед властью и обществом, потребность в сохра-

нении образа жизни. Будучи по своей сути памятью «холодного» типа (по терминологии К. Леви-Стросса и Я. Ассмана), крестьянская память о прошлом в первой трети XX в. приобрела ярко выраженный «горячий» оттенок, поскольку носила мобилизационный характер, активизируя борьбу крестьян за «землю и волю». Крестьянское сопротивление коллективизации может быть рассмотрено, хотя и с определенными оговорками, в этом ряду.

«Помнящее» начало крестьянской культуры ставило вопрос: «Чего нам нельзя забыть?» Работа прошлого выражалась в поддержании идентичности («господа земли»), легитимности социального статуса («кормильцы»), выражении крестьянских прав и притязаний. Два образа концентрировали в себе коллективный опыт: образ «труженика» («мозольки») и образ «страдальца», «жертвы». Эти составляющие культурного наследия воспроизводились потом на протяжении всего XX в. применительно к разным историческим обстоятельствам. Крестьянские документы оперировали такими понятиями, как «труд», «справедливость», «земля», «хлеб», наконец — «деньги».

Применительно к первой трети XX в. можно говорить о преобладании обусловленного прошлого памяти-поведения над памятью-воспоминанием о прошлом.

Войны и революции стимулировали формирование опыта вне привычного крестьянского порядка. В то же время новый опыт накладывался на тот, что существовал в деревенской повседневности с ее различными конфликтами. Формировался устойчивый пласт наследия, который впоследствии актуализировался в годы «великого перелома». Наконец, войны и революции стали идеальной почвой для аномии, для постепенного разрушения сельского уклада, для усиления конфликта поколений.

Советская модернизация неоднозначно повлияла на крестьянские представления о прошлом. В первые колхозные десятилетия прошлое как крестьянское культурное наследие поддерживало сельскую традиционность. На консервацию сельского традиционализма повлияла война. Активная роль женщин в поддержании образцов прошлого и трансляции памяти особенно заметна в условиях изменения половозрастной структуры деревни с середины века. С завершением коллективизации, становлением колхозной, а затем и укреплением колхозносовхозной системы во второй половине века обращение деревни к прошлому выполняло адаптивную, консервирующую и компенсаторную функции. Речь шла о способах и формах выживания крестьянского двора и семьи в советской аграрной структуре, сохранении ценностно-смыслового ядра деревенской культуры в целях поддержания коллективной идентичности и «социального договора» с властью.

Живя в мире народных верований и представлений, деревня постепенно включалась в орбиту советской традиции. В советский, и прежде

всего в сталинский, период крестьянский образ жизни подвергся значительной редукации. В коллективной памяти сохранился сам процесс раскрестьянивания: социальные конфликты, давление властей, а также то, что связано с деревенскими и городскими стандартами потребления, питания. Земля постепенно ушла на периферию крестьянской памяти, первый план прочно заняла тема «продовольственного снабжения» и денег.

Рассмотрение социальной истории крестьянства сквозь призму его представлений о прошлом помогает увидеть модернизационные и квазимодернизационные процессы в российской деревне. Можно вести речь и об использовании властью архаических настроений человека традиционного общества, склонного к упрощенному восприятию мира. Советская власть использовала различные каналы идеологического воздействия на деревенскую массу в целях формирования определенного образа прошлого. Крестьянство участвовало в конструировании коллективной памяти советского общества. Не случайно поэтому, хотя советского общества с его сельскими атрибутами нет, память о нем жива, принимает характер ностальгии, в которой сильнее звучит женский голос.

Появление в деревне в процессе модернизации различных слоев и групп оказало влияние на представление крестьянства о прошлом, на его неоднородность и выборочность. Перемены, обозначившиеся в крестьянском обществе, дали импульс формированию разных типов хозяйствующих субъектов. Один тип («традиционный крестьянин») ориентировался на общинные нормы и стратегию выживания. Для другого («интеллигентный крестьянин») было характерно критическое отношение к аграрной традиции. И того и другого отличало понимание социального долга («кормилец общества»), активное трудовое начало. Третий тип был готов порвать с крестьянством. Вместе с тем все три типа объединяли настроения ожидания земли или других социальных благ от власти, «сверху», независимо от того, была ли это старая царская власть или новая — большевистская. Все это закладывалось и находило отражение в ментальном облике крестьянства.

Советская власть, провозгласив «отказ от прошлого» и устремляясь в будущее, одновременно конструировала новый образ прошлого. Социальные ожидания крестьянства способствовали тому, что определенная часть деревни, прежде всего молодежь, активисты и беднота, создавала «новое прошлое» совместно с властью. Новые слои сельского населения — механизаторы, колхозная элита — несли двойственность в отношении прошлого. Их социальный статус ориентировал на преодоление прошлого. Но крестьянские корни, сама работа на земле, наконец, семейная память не позволяли отмежеваться от него.

Выделение индивидуального начала, историзация сознания, осознание прошлого именно прошлым, то есть Другим, ощущение себя в потоке исторического времени — все эти явления характерны для обще-

ства модерна. Для «низов» приобщение к истории заключалось прежде всего в непосредственном участии в крупнейших событиях XIX–XX в. европейского и мирового масштаба, в революционных событиях. Для них она становилась прежде всего «памятью тела», реальным действием и только во вторую очередь — памятью духа. И если такие события прошлого, как Отечественная война 1912 г. или русско-турецкая 1877–1878 гг., вызывали в памяти чувство «возвышенно-героического» и поддерживали народный монархический идеал, то русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война, напротив, оставили глубокий травмирующий след, ощущение «разрыва времен», пробивали в монархическом идеале значительные бреши (достаточно вспомнить «Николашку-дурачка»), устанавливали насилие в качестве поведенческой нормы.

Крестьянское движение эпохи аграрной революции и его кульминация — повстанческое движение периода гражданской войны показало, что крестьяне способны апеллировать не только к понятиям-символам своей традиции, но и к истории. Были актуализированы Отечественная война 1812 г., отмена крепостного права. В годы гражданской войны подвергались переосмыслению и вносились в соответствующие реестры памяти прежде всего недавние события, «современная история», а не далекие события прошлого — Первая мировая война, революции 1905 и 1917 гг. Кроме того, составным элементом представлений о прошлом была крепостная эпоха. Но в целом в XX в. крестьяне вспоминали, главным образом, события именно того столетия. В качестве позитивного момента крестьянской истории отмечалась аграрная революция, показавшая силу крестьянского сообщества и направленная на установление крестьянского порядка. Условно, это представление о прошлом «отцов». В качестве негативных переломных этапов жизни деревни в разных крестьянских свидетельствах отмечались: создание колхозов; наступление на личные подсобные хозяйства в 40–50-е годы, а также укрупнение колхозов; деколлективизация начала 90-х годов. Это — представление о прошлом «детей» и «внуков». В разные годы складывалась и своя мифология прошлой жизни.

Эпоха крестьянской революции — это не время воспоминаний, а время действий. Когда необходимо, крестьяне помнили, что «царь волю дал, даст и землю». После революции символический образ крепостничества использовался крестьянами для оценки своего настоящего положения. Так, в годы «военного коммунизма» крестьяне сравнивали власть большевиков с «новым крепостным правом». С новой силой эта тема обозначилась в годы «великого перелома». Известна и народная расшифровка аббревиатуры ВКП(б). Учитывая это, власть в 1920-е гг. пыталась внедрить в массовое сознание идеологически выверенный образ крепостной эпохи, опираясь и на крестьянские свидетельства, например, на воспоминания стариков о наказаниях крестьян помещиками. Но в крестьянской памяти находилось и другое видение крепостного

прошлого — с точки зрения социального договора между помещиками и крестьянами, хотя это был скорее маргинальный вариант представления прошлого. Власть удачно использовала сохранявшиеся в культурной памяти народа представления о крепостном праве. В сталинскую эпоху крепостное право стало универсальным символом прошлого, хотя многие регионы не знали крепостного состояния вовсе. В то же время отождествление сталинских колхозов с крепостным правом сохранилось в народном сознании вплоть до 1990-х гг.

Наиболее сильно компенсаторная функция прошлого проявилась в отношении памяти о коллективизации и Великой Отечественной войне. Оба события, несомненно, были рубежными в историческом плане, таковыми они запечатлелись и в памяти. Кроме того, именно в отношении этих центральных событий истории XX в. со стороны официальной идеологии было предпринято немало акций с целью активного вторжения в коллективную память и создания ее запретных зон. Память о коллективизации и сопровождавшем ее голоде не без официального влияния оказалась замещенной памятью о войне. Память о «великом переломе» оказалась табуированной, «вытесненной», неартикулируемой. Память о войне — это «память-триумф» (геройство и жертвенность), это другой (в отличие от «памяти-катастрофы») вектор «проработки прошлого», формируемой культурной памяти.

Свойственная советской эпохе система двойных стандартов проявила себя в памяти о коллективизации и войне довольно объемно. Правда, память и ее двойник — забывание могут действовать в целях поддержания социального равновесия в обществе (или внутри данной общности). Существовали события прошлого, которые попали в зону забывания крестьянского сообщества (стольпинская реформа, конфликтные эпизоды коллективизации и колхозной жизни).

Крестьянский образ прошлого основан также на отношениях с властью. С последней ассоциируются страх и насилие, ставшие нормами повседневности. Память об исторических личностях — это, во-первых, персонафицированный образ власти; во-вторых, образ народного героя. В этом плане крестьянство обладало развитой фольклорной традицией. Что касается фигур политического пантеона, то можно отметить два момента. С одной стороны, присутствовало уважение к власти и к ее конкретным носителям. С другой — в XX в. память фиксирует моменты, связанные с десакрализацией власти. Высшая власть и ее носители удостаивались и ироничного, и уничижительного, и панибратского отношения, что нашло отражение в наиболее массовых фольклорных формах XX в. — частушке и анекдоте.

Крестьянством конструировался такой образ прошлого, в котором основной пласт включал историю насильственного раскрестьянивания, импульс которому был задан политикой и практикой сталинизма. Подобного рода мемориализация прошлого одновременно является и ре-

акцией на раскрестьянивание: она удерживает значимые для сельской общности социокультурные деревенские образцы. С этой точки зрения, у крестьянства существует собственное прошлое: сориентированное на народный календарь время, хронология привычного хозяйственного, бытового и праздничного циклов.

Если рассматривать память о прошлом, о прожитом как «переживание драмы жизни» (выражение кн. Евг. Трубецкого), то, по сути, люди, которые «населяют» крестьянское прошлое — это они сами и их ближайшие предки. В этом смысле понятие «преодоление прошлого» для крестьянской культуры не срабатывает. Это сформировало такое понимание прошлого, в котором «культурным героем» является само крестьянство.

Примечания

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М., 2004. С. 29–30.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 22.

³ Франция-память / П. Нора, М.Озуф [и др.]; пер. с франц. и послесл. Д. Хапаева. СПб., 1999. С. 3–18.

⁴ Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 8–9.

⁵ См. подробнее: Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М., 2007.

⁶ Мюрберг И.И. Аграрная сфера и политика трансформации. М., 2006.

⁷ Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006. С. 146–149.

⁸ См. подробнее: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

⁹ Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 185–186.

¹⁰ Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 179.

¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 327–349; Т. 2. С. 304–335.